

Чопорное кабаре

концерт классика

На Сретенке в «Школе драматического искусства» Анатолия Васильева Татьяна Куинджи (сопрано), Лариса Костюк (меццо) и Михаил Давыдов (бас) спели «Cabaretные песни» под аккомпанемент Алексея Гориболя. ЕЛЕНЕ ЧЕРЕМНЫХ показалось, что для кабаре это было недостаточно развратно.

Программа состояла из четырех вокальных мини-циклов. В первом отделении — «Кабаретные песни» Бенджамена Бриттена на стихи Уистана Одена и подборка «Песен» Курта Вайля, во втором — «Пять поэм Ронсара» Франсиса Пуленка и «Brettli-Lieder» Арнольда Шенберга. Бесшумный пианист и выходившие друг за другом певцы, с иголочки туалеты от Татьяны Парфеновой и стерильно-гулкий зал «Школы драматического искусства». Все это походило даже не на концерт, а на попытку театрализации божественного жанра.

Для начала с какой-то приступочкой в зрительном зале Татьяна Куинджи произнесла некое «ту-жур-амур» и вышла к роялю петь Бриттена. Но запел рояль. Ощущение от игры Алексея Гориболя я бы сравнила с состоянием, когда, полупроснувшись, додумываешь приятности не забытого еще сна. Когда улыбаешься чему-то ускользающему и продолжаешь валиться, прячась от света дня. Вот обо всем этом и играл пианист.

В завороченности гориболевскими волшебствами Татьяну Куинджи было не упрекнуть. Где-то ее голосу явно было низко петь. Где-то, казалось, он перегружен ролевыми перевоплощениями: поди-ка разыграй сценку, где ты и рассказчица, и героиня рассказа в одном лице. Трудно. Но са-

мым трудным для нее была невозможность избавиться от оперности, от жирной звукокарски, от соблазна реализовать нечто более значительное и увесистое, чем древнейший зазывный навык божественных певичек.

Понятно, о каком навыке речь. И то, что оперная закуска ничего не значит там, где все объясняют природа и вульгарность, — тоже понятно. Но странно, что от основного инстинкта кабарежной культуры и Татьяна Куинджи (в Бриттене и Шенберге), и прекрасная Лариса Костюк (в песнях Вайля) все время уворачивались. Вместо брехтовской сумасшедшинки Вайля или незамысловатой уличности, точно схваченной песенкой Бриттена «Джонни, давай порезвимся!», — сплошной поединок Аиды с Амнерис, еще и нелепо разодетых: вместо положенных по жанру сетчатых чулок и глубоких декольте в черный костюм-двойку, другая — в балахонистое миди.

Немного от шоу, немного от дефили в кабарежной программе, конечно, допустимо. Но в сочетании с викторианской чопорностью певиц, бегущих любого сходства с шикарной Марлен Дитрих или с вызывающей Лайзой Миннелли, кабаре походило не на кабаре вовсе, а на стыдливую примерку маминого бюстгалтера девочками-отличницами. Справедливости ради отмечу, что часть программы — а именно ронсаровские «Поэмы» Пуленка — в дешевом обольстительном гриме не нуждались изначально. Мрачные, застегнутые на все пуговицы, как и смокинг певшего их Михаила Давыдова, они и стали самым впечатляющим моментом концерта, почти убедившим, что искусство соблазна перешло теперь от женщин к мужчинам.

Коммерсант № 3 - 2003 18 апр. С. 27